

5. Potoniec Patrycja – Jan Chryzostom Pasek i jego badacze – dwie sztuki postaciowania [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Napis_Pismo_poswiecone_literaturze_okolicznosciowej_i_uzytkowej/Napis_Pismo_poswiecone_literaturze_okolicznosciowej_i_uzytkowej-r2003-t9/Napis_Pismo_poswiecone_literaturze_okolicznosciowej_i_uzytkowej-r2003-t9-s109120/Napis_Pismo_poswiecone_literaturze_okolicznosciowej_i_uzytkowej-r2003-t9-s109-120.pdf.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

П. А. Воробьёв

Республиканский институт высшей школы, Минск

P. Vorobyev

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 9.94

ВОСПРИЯТИЕ ИДЕИ ПРЕЕМСТВА ОТ ВИЗАНТИИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВРЕМЕН ИВАНА III (1462–1505 ГГ.)

PERCEPTION OF THE IDEA OF THE SUCCESSION FROM BYZANTINE IN THE MOSCOW STATE OF THE TIME OF IVAN III (1462–1505)

В статье исследуется процесс дальнейшего проникновения на Русь государственного византийского наследия на примере Великого княжества Московского периода Ивана III (1462–1505 гг.). Идея приобретения титула преемника византийских императоров вскоре после исчезновения самой Византии была заманчивой, но в политическом смысле оторванной от жизни, так как все греческие страны были завоеваны Османской империей. Иван III не вошел в состав антитурецкой коалиции, на что рассчитывали Венеция и Рим. В Северо-Восточной Руси идея оказалась востребованной для решения более насущных задач: освобождения от ордынской зависимости, объединения русских земель и сохранения православной веры перед натиском униатства.

Ключевые слова: Византийское наследие; Константинополь; Великое княжество Московское; Иван III; Софья Палеолог; папа римский; Венеция; Османская империя; московский митрополит; Стефан III Великий; Елена Волошанка.

The article examines the process of further penetration of the state Byzantine heritage into Rus using the example of the Grand Principality of the Moscow period of Ivan III (1462–1505). The idea of acquiring the title of successor to the Byzantine emperors soon after the disappearance of Byzantium itself was tempting, but politically cut off from life, since all Greek countries was conquered by the Ottoman Empire. Ivan III did not become part of the anti-Turkish coalition, which Venice and Rome were counting on. In North-Eastern Rus, the idea turned out to

be in demand for solving problems that are more urgent: liberation from the Horde dependence, unification of the lands of Rus and preservation of the Orthodox faith against the onslaught of Uniate faith.

Keywords: Byzantine heritage; Constantinople; Grand Principality of the Moscow; Ivan III; Sophia Paleologue; the pontiff; Venice; Ottoman Empire; Moscow Metropolitan; Stephen III the Great; Elena Voloshanka.

В 1453 г. Византийская империя исчезла с политической карты мира. Вслед за ней небольшие греческие страны (Морейский деспотат, Трапезундская империя, княжество Феодоро) также были завоеваны турками. Но созданное византийцами богатое культурное наследие никуда не исчезло. В адаптированной под местные нужды форме оно продолжало оказывать влияние на общественно-политическую мысль и практику светских и церковных элит различных государств, в том числе Великого княжества Московского. Поэтому в историографии присутствует мнение о продолжении существования византийской цивилизации после 1453 г. [1, с. 33]. Выражаясь термином румынского историка Николае Йорга, мы имеем дело с «Византией после Византии». Целью статьи является определение динамики восприятия элитами Московского государства периода Ивана III идеи преемства от Византии. Следует разобраться, кто, как и зачем продвигал эту идею.

На фоне успешных для турок боевых действий в Малой Азии и на Балканах многие греки, как на Руси обычно называли «византийцев» (на Западе их называли также, но по иной причине: не желали называть «ромеями»), бежали на север, в том числе на земли Московского государства. В связи с падением греческих стран центр византийской культуры переместился в афонские монастыри. К 1453 г. княжества Северо-Восточной Руси, среди которых возвышалось московское, по-прежнему политически зависели от Большой Орды. Падение Царьграда связывалось с греховным падением его жителей, принятием константинопольским патриархом и императором униатства, отвергнутого великим князем московским Василием II. Русские епископы с 1461 г. сами избирали митрополита московского и всея Руси, независимо от мнения греческих патриархов, уже вернувшихся к православию.

В 1467 г. Иван III не признал законным решение константинопольского патриарха Дионисия, поддержанное королем польским и великим князем литовским Казимиром IV, о назначении в качестве главы московской митрополии Григория Болгарина. Московский князь не желал, чтобы подданные иноверного турецкого султана, даже православный патриарх, вмешивались в дела его государства. Григорий же был известен как ученик униатского митрополита Исидора, ранее изгнанного из Москвы Василием II.

Претендовал ли амбициозный Иван III на статус политического преемника правителей некогда могущественной Византийской империи? Имел ли

Иван III намерения освободить Константинополь? Доступные источники не дают нам оснований ответить на эти вопросы «да» [2; 3, с. 213; 4, с. 116]. Идея о потенциальном праве Ивана III на Константинополь впервые была сформулирована не на Руси, а в Италии.

На Руси к византийскому наследию в своих текстах обращались преимущественно церковные деятели, но идею о переходе политической преемственности от византийских императоров к московским правителям в XV – начале XVI в. они не сформулировали. В официальном церковном Слове на латыни (1461–1462 гг.), написанном в период правления Василия II незадолго до восхождения на московский престол Ивана III, по заключению российского историка Б. Н. Флори, Московское государство отождествляется со всей Русью и возвышается до Византии через утверждение о равенстве по статусу между Василием II и византийскими императорами [5, с. 419].

Применение идеи византийского наследия на уровне конкретных военно-политических действий в рассматриваемый нами период связано с такими правителями, как Узун Хасан и Стефан III Великий. Будучи главой тюрко-персидского государства и мужем Феодоры, дочери Иоанна IV Комнина, Хасан пытался отвоевать у турок земли бывшей Трапезундской империи, тем самым выражал право на часть общевизантийского наследия. Ранее Трапезунд выполнял для него функцию торгового порта. Отвоевать город не удалось.

Молдавский господарь Стефан, в сентябре 1472 г. вступивший в брак с Марией, родственницей константинопольских Палеологов, не только материально поддерживал афонские монастыри, хранившие богатое культурное наследие Византии, но и посылал свои войска против турок для спасения родного супруге греческого княжества Феодоро, чем косвенно выражал право на эту часть общевизантийского наследия. Спасти княжество не удалось. Стефан, будучи православным, лучше Хасана понимал сущность византийского наследия. Его многолетние войны с турками велись за независимость.

Формулировка идеи политической преемственности от византийских императоров в адрес великого князя московского принадлежит итальянцам. В 1469 г. вдовствующему Ивану III из Рима поступило предложение жениться на греческой принцессе Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI. Софья воспитывалась в Риме, так как вместе с отцом Фомой бежала из осажденного турками Морейского деспотата. Папа римский Павел II, делая предложение, рассчитывал на принятие Иваном III униатства, а также, как и венецианцы, на его участие в антитурецком походе.

По мнению советского историка Е. Ч. Скржинской, план о выдвижении в качестве кандидатуры на место жены Ивана III греческой принцессы при-

думал венецианец Джан-Батиста делла Вольпе (Иван Фрязин), управляющий московским монетным двором [3, с. 198]. В Москве затягивали с ответом, часть приближенных к великому князю лиц воспринимали Софью как представителя враждебного латинского мира. Но в результате Иван III приказал привезти Софью, и в ноябре 1472 г. они обвенчались. Великий князь никаких обещаний по поводу принятия унии и похода на турок не давал, а великая княгиня снова стала частью православного мира, но в русской традиции.

В промежутке времени от римского предложения 1469 г. до венчания Ивана III с Софьей идея о праве великого князя московского на византийское политическое наследие, на Константинополь, итальянской дипломатией официально не проговаривалось. Впервые эту идею сформулировал венецианский сенат 20 ноября 1473 г. Согласно его постановлению (переведенному на русский язык Е. Ч. Скржинской), «Восточная империя» по праву будет принадлежать Ивану III при двух условиях: «в случае победы над турками» и «если не будет наследников мужского пола» [3, с. 267]. Подобная формулировка есть и в письме сената в Москву от 4 декабря [3, с. 271–272].

Венецианская формулировка нам представляется довольно обтекаемой. Если подходить к постановлению сената строго юридически, выходит следующее. Турки не были побеждены, Иван III не объявил войну султану, а прямые наследники византийский императоров были в лице детей Фомы Палеолога, умершего в 1465 г. К моменту принятия венецианским сенатом решения от 20 ноября 1473 г. главным наследником византийских императоров являлся Андрей, старший брат Софьи. Будучи племянником погибшего при обороне византийской столицы Константина XI, Андрей использовал свои наследственные права для решения своих финансовых затруднений. В 1494 г. он продал титул французскому королю, а в 1502 г. повторно продал его испанцам.

Ивана III «игра» с византийскими титулами навряд ли интересовала. О разговоре между великим князем и приезжавшим в Москву Андреем Палеологом по поводу продажи византийского титула ничего не известно. Андрей уехал ни с чем. Современный российский историк С. А. Иванов высказал предположение, что главным образцом в деле государственного строительства для Ивана III была не несуществующая Византия, а сильная Священная Римская империя [2]. Действительно, в конце XV в. между Москвой и Веней наблюдалось установление дипломатических контактов.

По заключению другого российского историка, Н. В. Синецкой, Иван Васильевич III свои отношения с германским императором строил на принципе равенства, сопричастности обоих правителей к римской преемственности. Под главными точками в линии преемственности в отношении Ивана III следует понимать фигуры Константина Великого, а также Анны

Васильевны, тетки Ивана и первой супруги будущего византийского императора Иоанна VIII Палеолога (1425–1448 гг.) [4, с. 118–120]. К ним можно добавить фигуру князя Владимира, Крестителя Руси и мужа византийской принцессы Анны. Таким образом, духовная преемственность от византийских императоров и связанный с нею престиж вызывали у Ивана III интерес, чего нельзя сказать о возможности приобретения титула василевса и «праве» на Константинополь.

Обращение к ветхозаветным и византийским духовным «корням» Ивана Васильевича содержится в Послании на Угру (1480 г.) ростовского архиепископа Вассиана, призывавшего великого князя на борьбу с ханом Ахматом, с «самозванным» для Руси «царем». Истинным «царем» Руси Вассиан называет великого князя московского. С целью воодушевить колеблющегося государя на противостояние с «басурманами» и защиту православной веры архиепископ ставит в пример богоугодные победы ветхозаветного царя Давида и римского императора Константина Великого [6].

Интерес к византийскому наследию характерен и для другого церковного писателя. Митрополит московский Зосима в своем предисловии к Изложению пасхалии (1492 г., текст приводит российский историк И. А. Тихонюк) как бы развивает мысль Вассиана и называет Ивана III «новым царем Константином». Линию преемственности Зосима проводит от Константина через князя Владимира Святославича («второго Константина», названного так и в Повести временных лет) к великому князю московскому, «самодержцу» всея Руси. На этом основании Москва как преемница Киева именуется «новым градом Константина». Преемственность Ивана III от василевсов в представлении Зосимы базируется на призывании православного правителя защищать и распространять веру (для чего необходимо укреплять государство) [7, с. 58–61].

Москва названа вторым Константинополем, по мнению Н. В. Синицыной (1998 г.), которого мы придерживаемся, только в первом списке (из пяти известных) предисловия, составленного Зосимой по воле Ивана III [4, с. 122]. Пример также свидетельствует о внимании князя к идее духовного преемства от Византии. В остальных четырех списках Москва именуется «новым Иерусалимом». Иная версия изложена И. А. Тихонюком (1986 г.), согласно которой отсылка к Константинополю содержится в последнем списке предисловия, неофициально отредактированного в 1495–1496 гг. в среде троицкого игумена Симона Чижя, будущего митрополита [7, с. 54–55].

Первые письменные утверждения русского происхождения о политическом преемстве от Византии, а также принадлежности великих князей московских к генеалогии римских Августов изложены в Послании о Мономаховом венце Спиридона-Саввы, бывшего митрополита Киевского (1475–1481 гг.). Научной проблемой остается датировка Послания. Чаще его да-

тируют периодом Василия III. Мы основываемся на гипотезе, высказанной современным российским историком А. В. Сириновым (2018 г.), о создании Послания между концом XV в. и не позднее 1503 г. (период Ивана III) [8, с. 64].

Политическое преемство от Византии прослеживается в приведенной в Послании легенде о передаче Константином IX Мономахом своему внуку, великому князю киевскому Владимиру Всеволодовичу, византийских императорских регалий. Спиридон также сообщает легенду о родстве между Рюриковичами и римскими Августами по линии Пруса, «родича» императора Октавиана [9, с. 427–429]. В случае с августирианской легендой заметна попытка найти для Ивана III историческое место в ряду влиятельных европейских правителей, удревить русскую историю и правящую династию. Текст Послания более известен в составе Сказания о князьях Владимирских.

Отдельной статьи требует вопрос о степени присутствия византийского наследия в истории, связанной с первым на Руси венчанием на великое княжение (1498 г.) Дмитрия, сына Ивана Молодого и Елены Волошанки (дочери Стефана III), внука Ивана III. Венчание на языке политики означало наделение Дмитрия формальным статусом соправителя деда и было совершено по византийскому образцу, что свидетельствует о проникновении византийских традиций в московский придворный церемониал, повышении внимания в Москве к византийским символам власти. Вопреки распространенному мнению в источниках нет упоминаний о том, что на Дмитрия во время венчания была возложена «шапка Мономаха» [4, с. 127]. Хранящаяся же в Музее Московского Кремля шапка изготовлена не в Византии, а в Золотой Орде.

С учетом того, что Дмитрий не был родным внуком Софьи Палеолог (как верно заметил молдавский историк Н. Д. Руссев), можно предположить, что окружение Елены Стефановны содействовало рецепции византийского наследия московским правящим домом [10, с. 222; 11, с. 181]. Косвенным подтверждением гипотезы является иконографическая параллель. В качестве государственно символа в Византии издавна использовалось изображение святого Георгия Победоносца. При Стефане III культ святого приобретает на молдавских землях общегосударственное значение. Позднее (1497 г.) изображение всадника-змеборца (традиционный сюжет в иконографии святого Георгия) появляется в Москве на первой общегосударственной печати (научной проблемой нам представляется вопрос о соотношении молдавского и итальянского факторов в появлении этого изображения). Российский историк Н. А. Соболева пришла к выводу, что резка печати, матрица для печати и не византийские черты фигуры святого свидетельствуют о выполнении печати итальянскими мастерами [12, с. 229].

На другой стороне той же печати мастера разместили изображение двуглавого орла. Оно применялось в Византии, но ее гербом никогда не явля-

лось. В историографии высказывалось мнение, что в качестве герба двуглавый орел мог использоваться морейской ветвью палеологовской династии, к которой принадлежала Софья. Наиболее убедительная версия состоит в признании московского двуглавого орла заимствованием герба германского императора [12, с. 212]. Символ был необходим Ивану III для диалога с Габсбургами [11, с. 135].

Таким образом, великий князь московский Иван III обращал внимание только на те элементы византийского наследия, которые содействовали укреплению его власти, возвышению статуса Москвы среди русских земель, повышению международного авторитета его государства. Идея о потенциальном праве на Константинополь, завоеванный турками в 1453 г., высказанная венецианскими дипломатами, Ивана III (если основываться на доступных исследователю источниках) не привлекала. Важным событием для рецепции византийского наследия стал приезд в Москву греческой принцессы Софьи Палеолог. В роли главных выразителей идеи духовного преемства великого князя от византийских императоров выступали русские епископы. Приведенные источники и научная литература позволяют нам сделать вывод, что идея духовного преемства в деле защиты и распространения православия к концу правления Ивана III начинает дополняться политической идеей о перемещении из Византии на Русь функций главной православной державы.

Список использованных источников

1. *Мартынюк, А. В.* Древняя Русь после Древней Руси: к теоретической постановке проблемы / А. В. Мартынюк // *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского не(единства)*. – М.: Рос. полит. энцикл., 2017. – С. 29–37.
2. *Иванов, С. А.* Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании [Электронный ресурс] / С. А. Иванов // Стенограмма публичной лекции. – М., 2009. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2009/04/14/vizant>. – Дата доступа: 13.02.2021.
3. *Скржинская, Е. Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье / Е. Ч. Скржинская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 288 с.
4. *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.) / Н. В. Синицына. – М.: Изд-во «Индрик», 1998. – 416 с.
5. *Флоря, Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник / Б. Н. Флоря. – М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. – 528 с.
6. *Послание на Угру Вассиана Рыло* // *Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XV века*. – М.: Худ. лит., 1982. – С. 522–537.
7. *Тихонюк, И. А.* «Изложение пасхалий» московского митрополита Зосимы / И. А. Тихонюк // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сб. ст.* / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. В. И. Буганов. – М., 1986. – С. 45–61.

8. *Сиренов, А. В.* Русское историописание XV–XVII вв.: в поисках «своей истории» / А. В. Сиренов // Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории. – М.: Полит. энцикл, 2018. – С. 59–79.

9. Сказание о князьях Владимирских // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. – М.: Худ. лит., 1984. – С. 422–435.

10. *Руссев, Н. Д.* Когда пал «Царствующий Град»: Молдавия и Московская Русь во второй половине XV в. / Н. Д. Руссев // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: в 2 т. – М.: Ломоносовъ, 2010. – Т. 2. – С. 214–225.

11. *Дзярнович, О.* Сны о Византии? Место цивилизационного и культурного наследия Византии в регионе Пограничья Центрально-Восточной Европы / О. Дзярнович, В. Бырлэдяну, Л. Тимошенко. – Вильнюс: ЕГУ, 2014. – 332 с.

12. *Соболева, Н. А.* Идентичность Российского государства языком знаков и символов / Н. А. Соболева. – 2-е изд. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. – 656 с.

13. *Палеолог, М. В.* «Imperium Sacrum» как духовно-политическая основа российской имперской парадигмы / М. В. Палеолог, С. М. Чистова // Лесной вестник МГУЛ. – 2015. – С. 147–157.

14. *Пашкин, Н. Г.* Падение Константинополя в восприятии западных гуманистов XV в. / Н. Г. Пашкин // Античная древность в средние века. – 2008. – Вып. 38. – С. 258–266.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

С. М. Восович

Брестский государственный технический университет, Брест

S. Vasovich

Brest State Technical University, Brest

УДК 271.2(476.6)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРОДНЕНСКОГО СОФИЙСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСТВА В НАЧАЛЕ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX В.

THE ACTIVITIES OF THE GRODNO SOPHIA ORTHODOX BROTHERHOOD AT THE BEGINNING OF THE SECOND DECADE OF THE XX CENTURY

Статья посвящена деятельности Гродненского Софийского православного братства в начале второго десятилетия XX в. Рассматриваются изменения устава и статуса братства. Анализируется политическая, культурно-просветительская и строительная деятельность данного братского союза. Делается вывод о том, что культурно-просветительская деятельность Софийского братства была направлена на укрепление позиций Православной церкви и развитие русской культуры на Гродненщине.